

ЗЕЛЪЕ ЗАБВЕНИЯ

детектив-загадка

18+

ТАТЬЯНА НИЛЬСЕН

Татьяна Нильсен
Зелье забвения

«Автор»

2018

Нильсен Т.

Зелье забвения / Т. Нильсен — «Автор», 2018

ISBN 978-5-532-98536-0

На пляже в турецком курортном городе обнаружен труп неизвестного, пожилого мужчины. Полиция не нашла никаких вещей принадлежащих покойному, только солнечные очки которые, как потом выяснилось, стоят больше 60 тысяч долларов. Желание получить свою долю наследства, приводит молодого москвича на остров Кипр, где проживал до своей кончины его предполагаемый отец. Он обращается за помощью к местному адвокату. Однако после эксгумации, которая показала отрицательный результат в тесте на близкое родство, молодой человек возвращается в Россию. Только череда ужасных и странных событий наводит адвоката на мысль, что прекращать расследование ещё рано.

ISBN 978-5-532-98536-0

© Нильсен Т., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	26
Глава 5	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Татьяна Нильсен

Зелье забвения

Глава 1

Турция

Солнце поднималось из-за гор вяло и медленно, жарким светом разгоняя последнюю, ночную прохладу. Над водой разнёсся голос муллы из ближайшей мечети, который призывал верующих на утренний намаз. Витиеватая песня эхом прокатилась по тихим улицам и улетела в горы. И лишь сонная, рыжая дворняга, крепко спящая на тёплых камнях, дрогнула ушами, и опять погрузилась в сладкую дрему. Снова наступила утренняя тишина, только море еле слышно катало прибрежную, разноцветную гальку. Лохматые, соломенные зонты закрывали шезлонги длинными рядами теней. Пляжная, шумная жизнь оживёт через несколько часов, а в половине шестого утра только заспанный уборщик – молодой парень в шортах и оранжевой жилетке на голое тело, лениво брёл по берегу. Ему невыносимо хотелось спать. Накануне вечером не сдержался и перебрал с ракией в уличной забегаловке «Старый дом». Вроде и выпил не много, но голова трещала, как ржавый чугунок. Всё потому что курил сигареты одну за другой, и ракию пил, не разбавляя холодной водой. Хотел попробовать, как русские за соседним столиком. Те закидывали стаканчики с чистым алкоголем часто и без закуски. У него уже в глазах плыло, а русским всё нипочём, ржали как кони, ещё и в пляс пускались. Упасть бы на один из лежаков и вздремнуть минут двадцать. Но парень взял себя в руки, потер глаза и дальше поволок большой пластиковый мешок, в который собирал бутылки из-под пива, минеральной воды, банки из-под Кока-Колы, стаканчики из-под мороженого и всякий мусор, который ежедневно оставляют после себя беспечные туристы. Мешок наполнился быстро, и уборщик свернул между ровными рядами лежаков, чтобы высыпать содержимое в большой, пластмассовый контейнер, стоящий в глубине пляжа. Он удивился, когда увидел одинокого туриста. Тот то ли остался со вчерашнего вечера, то ли пришёл до зари. Мужик полусидел в шезлонге в расслабленной позе. Из одежды на нём были только цветные плавки и тёмные очки. Парень с завистью подумал:

«Как хорошо быть туристом, можно нажраться пива или винища и уснуть без горя на пляже, а утром пойти в ресторан отеля, съесть жареную яичницу с сосисками или маленькие, куриные котлетки кёфте со свежими овощами и всё это запить горячим чаем или холодным морсом».

От мыслей о еде у него зажурчало в животе, но время для завтрака ещё раннее, рестораны, кафе, разные забегаловки откроются не скоро. Чтобы заглушить голод, он остановился недалеко от лежащего мужика, достал из кармана жилетки небольшую, пластиковую бутылку тёплой воды и жадно присосался. На свежем воздухе шум в голове постепенно затих. Он вернул ёмкость обратно в карман, вытер рот тыльной стороной ладони и присмотрелся к мужику. Казалось ничего особенного в том, что пожилой человек комфортно расположился в шезлонге. Станным показалось другое – мужчина худого телосложения имел мёртвенно-бледную кожу. Его руки расслабленно лежали вдоль тела, а самое отвратительное – изо рта выползла муха. Парень нагнулся, тронул старика за плечо и спросил сначала по-турецки, потом на ломаном английском:

– Простите, сэр, с вами всё в порядке?

Но пожилой человек молчал, и только солнечные очки криво сползли с качнувшейся головы. От прикосновения к холодному телу уборщик поёжился и брезгливо одёрнул руку. Где-то в груди, как чернильное пятно разлился страх. Он вдруг понял, что скорую помощь

вызывать уже поздно. Парень бросил мешок и припустил бежать в ближайший отель, чтобы вызвать полицию.

Буквально через двадцать минут пустынный пляж запестрил голубыми рубашками полицейских и зелёной формой работников скорой помощи. Территорию пляжа опоясали полосатыми лентами, ранние туристы и сотрудники отеля толклись неподалёку и тихо переговаривались, прячась в тени деревьев. Солнце поднялось высоко и жарило во всю свою мощь, как всегда в начале июня на турецком побережье Средиземного моря.

Офицер криминальной полиции Эрин Исан через час собирался уходить домой после ночного дежурства. Он допивал кофе и мысленно планировал, как проведёт сегодняшний день. Полицейский вздрогнул от неожиданности, когда зазвонил внутренний телефон. Дежурный по управлению доложил, что на пляже близ отеля «Луна» обнаружен труп мужчины. Эксперты и скорая помощь уже выехали на место. Тот факт, что он не попадёт во время домой, турка не раздосадовал. Во-первых: он любил свою работу, а во-вторых: дома в это время никто не ждал. Эрин посмотрел на часы. Наташа, его жена уже спешила на службу в офис. Она работала в крупной, международной, туристической компании. В её компетенцию входило встречать, провожать, размещать туристов со всех стран бывшего СССР. Её рабочий день не ограничивался временными рамками, иногда уходила очень рано и возвращалась поздно, тем более в разгар туристического сезона. Они познакомились около года тому назад в Турции. Наташа проходила свидетелем по делу, которое вёл Эрин. Он не сразу разобрался в своих чувствах. О какой любви может идти речь? Пошёл пятый десяток, голова седая и работа сумасшедшая. Однако когда девушка уехала в Россию, он понял, что без неё жизнь теряет всякий смысл. Неизвестно, сколько времени Аллах отмерил для него и необходимо этот остаток прожить не в погоне за преступниками и не в обнимку с пистолетом, а рядом с любимой женщиной.

Эрин запер сейф, выключил кондиционер, рассовал по карманам телефон, сигареты, зажигалку, записную книжку, жетон, потом осмотрел кабинет ещё раз – не забыл ли чего, схватил со стола ключи от машины и вышел в пекло улицы.

Оказавшись на месте, полицейский осмотрится. Недалеко от кромки воды находилась волейбольная площадка с провисшей сеткой. Пляж в виде подковы не принадлежал какому-либо отелю и сюда мог зайти любой желающий. Несколько ресторанов, которые располагались по сторонам, поделили территорию, понаставив шезлонги – каждый своего цвета. Официанты, не без конкуренции обслуживали каждый своих клиентов. Плату за пользование лежаками не брали, но настойчиво приглашали или на обед, или охладиться ледяным пивом, или как минимум выпить чай. Уборщика нанимали в складчину. Ранним утром он чистил пляж от мусора и вывозил на общественную свалку за город. Всё это рассказал взволнованный парень, который обнаружил труп. Больше он ничего не знал, никого не видел и странные предметы не подбирал, даже мусор от страха в общую кучу не свалил. И после всех обязательных процедур уборщика отпустили восвояси, наказав находиться в границах города, во всяком случае, до выяснения личности мёртвого человека. А с личностью разобраться оказалось не так-то просто. О мёртвом мужчине не было известно ничего, даже то, каким образом он покинул этот мир – самостоятельно, или же по чьему-то принуждению. Следов насильственной смерти, при первичном осмотре не обнаружилось, документов удостоверяющих личность тоже. На немолодом теле наблюдались только плавки, и на носу скривились очки от солнца. Осмотр места происшествия тоже ничего не дал и когда перерыли весь собранный мусор, то сделали только один вывод – алкоголя за прошлый день и вечер праздная публика выпила гораздо больше, чем других напитков, но этот факт вряд ли мог пригодиться в расследовании.

«Да и будет ли расследование, – думал Эрин, – по всей видимости, пожилого туриста от жары и алкоголя хватил сердечный приступ, и вскоре надо ждать заявление от родственников или туристической фирмы на розыск соотечественника».

И всё-таки он дал указание оперативникам опросить сотрудников и туристов близлежащих отелей, ресторанов, кафе, на предмет выяснения личности бездыханного мужчины. С первых минут осмотра полицейский отказался определять человека в жертвы или плохого здоровья или убийцы. Пока не доказано одно из утверждений, безликий дядька, просто мёртвый старик. И даже, нельзя назвать смерть преждевременной, потому что человек на вид достаточно пожилой – лет семьдесят – восемьдесят, а может и больше. Эрин всегда возмущался в душе, когда читал в газете или слышал по телевизору слезливые соболезнования по поводу смерти какого-нибудь престарелого видного политика, научного деятеля или знаменитого артиста. Качал головой, когда слышал, что мол, так рано ушёл, преждевременно покинул этот мир, а мог так много ещё сделать...

«А сколько надо? – думал полицейский, – Двести лет? Недостаточно прожить восемьдесят пять, девяносто пять и умереть просто от старости, от того, что организм просто устал носить и питать это тело?»

К старости и смерти полицейский относился философски. Самое главное с достоинством принимать любое состояние своего организма. Умирает только оболочка, душа вечна. В голове всплыли слова из Корана:

«Он – тот, кто даровал жизнь вам, и Он ниспослёт смерть вам, а затем снова жизнь».

Эрин не считал себя строгим приверженцем Ислама, но жить с верой в бесконечность бытия легче, чем ждать неминуемого и мучительного конца. Его мысли прервал невысокий, толстенький патологоанатом, он махнул рукой, чтобы санитары уносили тело в карету скорой помощи, а сам подошёл к полицейскому.

– Ну, что я могу тебе доложить: смерть наступила более восьми часов назад, примерно в девять – одиннадцать прошлого вечера. И пока точно сказать не могу, но предполагаю, – коротышка поднял толстый палец, – что его отравили. Завтра утром доложу всё точно. А если хочешь, так можешь присутствовать на вскрытии, приходи часа через два, предварительно будешь знать кое-что.

– Спасибо, я постараюсь, хоть и не очень нравится мне эта мрачная процедура.

Полицейский ехал на машине по большому, курортному городу, который только начинал просыпаться. Служащие торопились на работу в свои офисы, бакалейщики протирали огромные витрины, заставленные свежей выпечкой, дворники катили газонокосилки, распространяя аромат свежескошенной травы. Эрин любил этот город, свою работу и русскую жену Наташу. Они поженились несколько месяцев назад и ещё не успели наговориться, насмеяться, да и просто насладиться друг другом. Она самостоятельная, умная, эффектная, слегка за тридцать. Ему, опытному полицейскому глубоко за сорок. У каждого своя прошлая жизнь, своя религия, воспитание и понимание счастья. И только одно общее – они любят друг друга. Этого чувства оказалось достаточно, чтобы построить семью. А они её складывали по кирпичикам, уступая друг другу и уважая интересы каждого. Когда он думал о ней, то становилось радостно и тепло, наверное, так думает каждый человек, который долго жил в одиночестве, а потом встретил свою вторую половинку.

Несмотря на то, что сегодня законный выходной, Эрин решил заехать домой, принять душ, перекусить и снова отправиться в управление. Интуиция подсказывала, что с утренним трупом не всё так гладко, вероятно придётся много потопать и попотеть, пока выяснится что это за человек. Но он даже не подозревал, сколько запутанных узлов придётся развязать в этой странной и страшной истории.

В управление полицейский вернулся к концу рабочего дня. Он не горел желанием присутствовать на самой процедуре, и надеялся, что коротышка патологоанатом уже закончил вскрытие, и ему есть что рассказать. Так и оказалось, доктор начал без предисловий:

– Так вот слушай: мужчина возраста лет семидесяти-восемидесяти. Отравлен лимонадом, в котором находился цианистый калий. Алкоголя в крови не обнаружено. Скончался

примерно в девять часов вечера. Вероятно европеец. Рост сто восемьдесят пять. Без особых внешних примет. Наколок и татуировок нет. Есть шрам на правом колене и на предплечье небольшой. Давний перелом левой ноги и перелом рёбер. Интересно одно, что шрамы и переломы все разного возраста. Все телесные повреждения характерны для автомобильных аварий, из чего я бы мог предположить, что этот человек имел профессию, связанную с вождением автомобиля. У него очень дорогие зубные импланты. Такие процедуры в Турции делает только несколько клиник в крупных городах, но в производстве используются немного другие компоненты, отличные по химическому составу. Так что зубы из другой страны, – толстяк хихикнул над своей шуткой, но быстро взял себя в руки и продолжил. – Очень похожие делают в Германии, Чехии, Греции, но я не уверен и буду проверять. Далее, он не имел процедуры циркумпизии, то есть у него не было операции по обрезанию крайней плоти.

– Он что не мусульманин? – вклинился в доклад Эрин.

– Похоже на то, – на секунду задумался доктор, – так я продолжу: внутренние органы в относительном порядке для этого возраста, но имеется сосудистое заболевание. Мужик мог прожить ещё много лет, но смерть поджидала в любую минуту. От закупорки рисковал умереть в любой момент. Медицина справляется с такой болезнью. Европейские клиники делают эти операции очень успешно, но достаточно дорого. Судя по зубам, этот человек был далеко не бедным, и, наверное, мог позволить решить эту проблему, но смею предположить, что её никто не диагностировал. А если точнее, то, скорее всего мужик долгое время не посещал доктора. А может и посещал, и знал, да только решил, сколько отпущено, столько и проживёт, потому что в таком возрасте ложиться под нож хирурга, достаточно рискованно, – патологоанатом с отрешённым видом погладил себя по круглому животу. – Но сейчас для него уже ничего не имеет значения, смерть пришла с другой стороны в виде лимонада, напичканного ядом.

– Может он самостоятельно и добровольно выпил яд? – рассуждал Эрин. – Жизнь не сложилась, жена изменяет, знал, что умрёт скоро и решил не дожидаться страшного конца, причин может быть множество.

– Он и выпил добровольно, но вероятнее всего мужик не знал, что в лимонаде есть ещё и яд. Дело в том, что рядом с трупом ни стакана, ни бутылки из-под лимонада не нашлось. Предположим, что мужчина выпил напиток, потом встал, сделал несколько шагов, чтобы бросить всё в урну с мусором, потом вернулся, устроился удобней и отдал богу душу. Только концентрация яда была настолько высока, что он не смог бы даже подняться.

– Я понял, тот, кто дал зелье, всё выбросил в урну с мусором или забрал с собой. Мужчина скончался вечером, а уборщик начал уборку рано утром следующего дня.

– Именно! Поэтому версию о самоубийстве, я бы не рассматривал. И самое интересное: о состоятельности говорят его очки, они сделаны из жёлтого золота и инкрустированы бриллиантами!

Эрин присвистнул удивлённо, и задумчиво произнёс:

– Так получается, помер себе мужик на второсортном, общественном пляже, а на переносице у него целое состояние, и тот кто цианид подсунул, наверное, не догадывался о ценности этой безделицы, иначе бы не оставил драгоценности на мёртвом носу?

– Очень может быть, – живо откликнулся коротышка, – то, что эта вещь очень ценная и дорогая, может понять только профессионал, и то при ближайшем рассмотрении.

– Что с отпечатками пальцев?

– Ничего, по нашей картотеке не проходят. На очках пальчики только этого старика.

– Мужик ел что-нибудь перед смертью? Может его запомнили в одном из ресторанов?

– Нет, желудок пустой, только лимонад и такая доза цианида, что можно завалить трёх слонов. Яда не пожалели, сыпали чтоб наверняка помер. Если концентрация цианида превышает 0,2 миллиграмма, то смертельный исход наступает за десять минут. При высоких дозах

яда, симптомы острого отравления развиваются молниеносно: человек теряет сознание, потом наступает мгновенный паралич дыхательных путей и блокируется работа сердечной мышцы.

– Поэтому никто даже не заметил, что рядом мёртвый человек, и как он умирал. Как же теперь узнать кто он, как попал на пляж и за что его убили?

– Думай дорогой, а я сказал всё, что узнал на данный момент. Хотя ещё не закончил, может, будут другие, интересные детали, завтра принесу письменный отчёт. Да, ещё вот что: у него ухоженные руки и ноги, профессионально сделан маникюр и педикюр. На левой руке он носил часы и кольцо, рука загорела, а белая полоса осталась, и на пальце тоже, но ни часов, ни кольца при нём не было, как ты знаешь.

– Из мусора удалось что-нибудь наковырять?

– Побойся бога, Эрин, прошло всего несколько часов после обнаружения тела. Мы же не фокусники, дай время! Эксперты работают буквально в поте лица!

Эрин поблагодарил доктора и быстрым шагом пошёл по длинным коридорам в прохладу своего кабинета. Закария – его помощник сидел со скорбным лицом за столом и печатал на компьютере отчёт. Его дружбу с оргтехникой никак нельзя было назвать крепкой. Оформлять документацию являлось для него трудом просто непосильным. Этот здоровый, крепкий, сорокалетний мужик предпочитал работу живую – опрашивать свидетелей, сидеть в засаде, задерживать преступников, а не тыкать большими пальцами в клавиатуру, при этом придумывать грамотный текст.

– Приветствую шеф! – вскочил помощник.

– Привет, – Эрин показал жестом, чтобы Закария сидел. – Есть новости по мужчине с пляжа?

– Пока ничего. В нашей базе данных его отпечатков пальцев нет. О пропаже никто не заявлял. Я опросил официантов и владельцев ресторанов, но его никто не помнит, да и в это время – после девяти вечера посетителей почти нет, и они закрывают свои лавочки. Оперативники ещё работают, показывают фото в городе, на пляже и в близлежащих отелях. Позднее художники подредактируют фото трупа, и объявим розыск через средства массовой информации.

Дальше Эрин заскочил в аналитический отдел, где с важным видом восседал его друг и коллега Феррат. Он пил чай от чего пот струился по лицу, и голубая рубашка прилипла к полному телу.

– Ты что измываешься над собой? – усмехнулся Эрин, – или это новый способ для похужения?

– Не смешно. В такую жару сидеть в закрытом кабинете со сломанным кондиционером, это преступление, – заныл Феррат и тут же оживился, – а давай махнём на берег, купим по бутылочке холодного пива и искупаемся.

– А давай, только без пива и купания.

Они приехали на пляж, где утром обнаружили тело. Владельцы ресторанов уже сняли заградительные, полосатые ленты, чтобы не пугать отдыхающих. Берег кишел полуголыми людьми, дети с визгом прыгали на волнах и яхты, бросив якоря, качались в лазурной воде. Как будто никогда и не лежал здесь мёртвый человек. Только сейчас Эрин понял, почему обслуживающий персонал не обратил внимания на задержавшегося туриста. Лежаки стояли лицом к морю, а рестораны располагались за спиной отдыхающих. Шезлонг с мёртвым мужиком был поднят, он как бы полусидел, поэтому ни официанты, ни редкие в этот вечерний час посетители не могли его видеть. Но как-то он попал сюда, не с неба же прилетел? Они разделились – Феррат отправился побеседовать с отдыхающими, а Эрин в рестораны. Он решил поговорить с обслуживающим персоналом не потому, что не доверял Закарии, который с утра уже беседовал с каждым, а потому что коллега мог что-то пропустить и лучше ещё раз всё проверить. Вскоре кое-что выяснилось. Прыткий, молодой официант, увидев фотографию трупа, узнал мужика.

Когда он ходил, собирал посуду, то предложил выпивку и пожилому мужчине, но он, махнув рукой, отказался. В его ресторане есть камера видеонаблюдения, которая направлена на вход, можно просмотреть и выяснить, когда пришёл этот мужчина. С ним официант не разговаривал. Появился дядя один, или с кем-то, не знает, просто не обратил внимания. Видел около восьми вечера. Помнит точно, потому что в девять на ужин ждала тёща, и он следил за тем, чтобы не опоздать. И ещё одна туристка сообщила, что её лежак находился рядом. Она уже собиралась уходить, как мужчина и красивая дама устроились под зонтом. Женщина обратила на них внимание, потому что в это время солнце уже пряталось за скалу, и для загара было время не совсем подходящее. Дамочка была в красивом, закрытом купальнике, на голове повязан платок, в пол лица тёмные очки, и, кажется, небольшая, пляжная сумка. Но не эти мелочи ей врезались в память, а красивое кольцо на среднем пальце с большим бордовым рубином. Почему запомнила именно это? Так потому что на пляже все в купальниках, все с пляжными сумками и в солнечных очках, а вот драгоценности люди не одевают, боятся потерять в волнах. На пожилом мужчине видела только плавки и очки. Да и не рассматривала она его толком. Самая большая странность, которая удивила сыщиков, заключалась в том, что на паре не было никакой другой одежды. Не могли же они в таком виде появиться из города, если только не приехали на машине. Вся надежда на камеры видеонаблюдения. Вот этим он и загрузил Феррата, а напоследок наказал:

– Попроси женщину со всеми подробностями описать, а лучше нарисовать кольцо. Когда закончишь здесь, зайди, пожалуйста, к патологоанатому, у него есть дивные очки, которые были на трупе. Может, что-нибудь нароешь через них на хозяина. Я поехал спать. Завтра встретимся.

Собственно на этом следствие застопорилось. Они на сто раз просмотрели видео с камер наблюдения, но эта парочка не проходила через главный вход из города и назад. Значит, они попали на пляж другим путём. Но каким? Только с воздуха или моря. Воздушный путь они исключили сразу – незаметно на парашюте не приземлиться, и осталось только море. Пляж с двух сторон окружен скалами, есть возможность вплавь причалить к берегу, оставить за валунами лодку, и пробраться на многолюдный берег незаметно. Но вот для чего вся эта морока? Затащить старика на берег, напоить цианидом и опять раствориться в море? Вероятно, что так и было, и лимонад с ядом приготовила спутница умершего. Эксперты из всего мусорного хлама выудили пластиковую бутылку и стаканчик с остатками цианида, из которого мужчина выпил отравленный напиток. Эксперты обнаружили на пластике отпечатки пальцев трёх разных человек. Одни пальчики принадлежали покойному, а остальных нет в базе данных. Они сделали запрос в береговую охрану, но у тех никакой информации не имелось, никто не нарушал закон, нелегально в турецкие воды не заходил. Пришвартованные яхты, которые находились в прибрежной зоне стояли под турецкими флагами, а проверять каждое частное судно у них нет ни причин, ни полномочий.

Очень интересную информацию раздобыл Феррат. Несколько лет назад немецкая автомобильная компания «Майбах» заказала в ювелирной компании всего пять пар роскошных, солнцезащитных очков в честь одной серии автомобилей «Майбах». Заказчик не поспешил на расходы. Оправу ювелиры выполнили из восемнадцати каратного, жёлтого золота и инкрустировали ста семидесяти четырьмя бриллиантами весом в один и восемнадцать карат. Дужки очков с логотипом «Майбах» изготовили из воловьего рога. Казалось, эта информация сузит круг, и они смогут выяснить имя владельца шикарных очков. Но автомобильная компания отказалась открывать имена покупателей, в основном по тому, что восемь из десяти были анонимами, а двое до сих пор являются представителями совета директоров концерна, находятся в добром здравии и на своих постах. И всё-таки главная причина неразглашения информации состояла в другом – оценивались очки в 60 тысяч долларов! А для любой уважающей себя коммерческой компании, конфиденциальность одно из условий существования.

Тело умершего, по правилам, пролежит в морге ещё месяц и если не обнаружатся родственники, то его захоронят на общественном кладбище, как неопознанное. Разные, важные дела закрутили следователей, и на папку с делом по отравленному мужику в дорогих очках легли другие более важные и насущные дела.

Глава 2

Москва

Пашка рос пареньком смирным, добрым и доверчивым. Мать во всём винила женское окружение и мягкое воспитание. Она волновалась за его будущее – ведь каждый сможет обидеть или использовать её мальчика. И что готовит судьба, когда окупнется в самостоятельную жизнь, поступив в студенческую среду. А то, что он станет студентом ВУЗа, мать не сомневалась – Павел прекрасно учился и без особых усилий с серебряной медалью закончил школу. Каково же было удивление окружающих, когда парень, даже не пытаясь сдать вступительные экзамены в какой-нибудь институт, устроился на работу в автомастерскую недалеко от дома. А для матери это стало просто шоком, не такое будущее она пророчила своему единственному сыну. Через год паренёк добровольно отправился в Армию, а по возвращении открыл двери всё того же автосервиса. Два дня назад Пашке стукнуло двадцать девять лет. Он был высок, строен, чёрные волосы стрижены коротко и стильно. Одевался парень модно и даже несколько кичливо. Сам не знал, от кого передалось чувство вкуса – с матерью жили весьма скромно. Невзирая на это ему нравилась дорогая обувь, лайковые перчатки, шелковые шарфы и кашне. Одно огорчало: всегда грязные руки, как бы он их не драил, мазут намертво впитался в ладони и пальцы. И это единственное, что могло слегка опечалить безоблачное существование. А в остальном он считал себя счастливым человеком. На здоровье не жаловался, работу свою любил, девушки ходили табунами, денег получал достаточно, чтобы иногда посещать ночные клубы или рестораны. Даже с недвижимостью невероятно повезло, поселился отдельно от матери в квартире, которую оставила по наследству бабуля. Чего ещё мог желать молодой повеса? Пашка предполагал своё будущее: когда-нибудь он встретит единственную – неповторимую, женится и у него появятся дети, скорее всего много. С количеством пока не определился, но точно, что не один. Сам рос один одинёшенек, ни брата, ни сестры. Никто не помогал с уроками и не заступался на улице. Мать займётся воспитанием внуков и научится стряпать пирожки с блинами. А по выходным они всей семьёй будут на даче собирать смородину в жёлтое эмалированное ведро и варить на зиму варенье. Дачу они никогда не имели, но мечты роились в голове настолько чудесные и реалистичные, что Пашка твёрдо решил – дача обязательно появится!

Всю жизнь его окружали женщины – мать, бабушка, воспитатели в детском саду, учителя в школе, соседка по парте. Он остро нуждался в мужской компании, завидовал пацанам, которые проводили время со своими папками в голубятнях, в походах в горы, на велосипедных прогулках, да и просто когда приходили на родительское собрание. Он не знал своего отца и когда был маленьким, а потом подростком всё время терзал мать расспросами. Однажды, когда исполнилось одиннадцать лет, мать открыла великую тайну: оказывается, что его отец настоящий грек и мало того, когда-то он стал чемпионом мира в гонках «Формулы 1». Пашка некоторое время невероятно гордился, что он сын чемпиона мира, но со временем насмешки друзей и одноклассников стёрли это чувство. Повзрослев, до него дошло, что мать просто придумала всю эту историю. У кого-то были мифические отцы – герои лётчики, разведчики, моряки, ну а для него матушка хотела чего-то исключительного. Хотя все отмечали, что парень превратился из мальчика в красивого юношу со смолянными волосами, спортивной фигурой, прямым носом и действительно необычайно смахивал то ли на грузина, то ли на итальянца, то ли на грека. Вскоре Пашка сделал одно открытие, которое впоследствии превратилось в навязчивую идею. Однажды он залез в письменный стол на полку с бумагами, в поисках какого-то необходимого в тот момент документа, и наткнулся на пачку старых писем. Мать находилась на работе, и он расположился за столом, просматривая конверты. В век интернета и сотового телефона эта пачка писем выглядела, как что-то ископаемое вроде бивня мамонта или старинного фоли-

анта, написанного от руки с обложкой из натуральной, буйволиной кожи. Он рассматривал разноцветные марки из разных стран -Италии, Аргентины, США, Австралии и большинство писем приходило из Греции. На конвертах значились одни и те же и отправитель, и получатель. Корреспонденция адресовалась матери, а отправлял письма какой-то Аргирис Дракопоулос.

«Вероятно, это и есть мой возможный отец, – размышлял Пашка, – недаром отчество мать присобачила Аргирисович. Видать папаша не счёл необходимым предъявлять свои отцовские права, и фамилия осталась от матери – Пушкин, а не эта жуткая для русского слуха «Дракопоулос».

Он никогда не получал писем, но знал, что читать чужие послания нехорошо. Раздумывал недолго – мать на работе, спросить разрешения не у кого, а любопытство просто распирало. Тогда парень решил только просмотреть содержимое, не вникая в суть. Но так не получилось, Пашка не только вник, но и проникся этим эпистолярным романом. Исписанные английскими буквами листки уже пожелтели от времени, зато шариковая ручка сохранила чёткость строк. Писать, читать и даже размышлять на этом языке для Пашки, было делом обычным. В молодые годы мать закончила факультет иностранных языков в одном московском ВУЗе, потом успешно работала внештатным гидом -переводчиком в «Интуристе», а вечерами брала переводы научной и художественной литературы. Она с самого детства разговаривала с сыном на двух языках.

Пашка сварил себе крепкий кофе в турке, сел у окна на кухне и задумался. Прочитанная история впечатлила, но чувствовал он себя неуютно, как будто заглянул в замочную скважину и увидел чужую, приватную жизнь. В письмах не содержалось ничего постыдного или порочащего мать или гипотетического отца. Но про себя парень решил: надо обязательно рассказать матери о том, что прочитал письма. И не только потому, что он вторгся на чужую территорию, пусть даже это прошлое собственной матери, ещё и потому что она должна ответить на множество вопросов. Ведь это прошлое касается и его! Положив стопку назад в стол, решил немного переждать и отложить разговор до лучших времён. Несколько дней Пашка ходил в задумчивости, и в один из вечеров как умел, накрыл стол фруктами, бужениной, всякой зеленью, а в центр поставил бутылку французского, розового вина, которое любила мать. Потом дождался, когда она придёт из института, где преподавала английский, и торжественно пригласил на ужин.

– О, что за повод? – изумилась Лидия Николаевна, отщипнув виноградинку.

– Прежде, идите мыть руки, мадам, – Пашка повернул мать за плечи в сторону ванны.

Лидия Николаевна мыла руки над раковиной, и разглядывала себя в зеркало. Ей нравилось отражение, пусть даже немного усталое после рабочего дня. В свои пятьдесят выглядела прекрасно, во всяком случае, она так думала. Женщине были не по карману фитнес центры, дорогие косметические салоны, но летом она бегала трусцой в парке, а когда наступали холода, делала гимнастику в квартире, покупала замороженную смородину, клубнику, малину и накладывала на лицо самодельные маски. Несмотря на домашнюю терапию, морщинки вокруг глаз и на шее множились, но печаль от этого не возникала, хватало мудрости принимать факт зрелости как неизбежность. Кавалеры, конечно, приударяли. Лидия Николаевна позволяла ухаживать за собой, принимала цветы, ходила в театры и на концерты. Иногда отношения заходили далеко, но к себе домой для этих целей женщина никого не приводила, считала, что эта территория принадлежит только ей и сыну. После смерти бабушки – её матери сын переехал жить в маленькую хрущёвку, и это казалось справедливым, мальчик должен когда-то научиться самостоятельности: готовить для себя еду, стирать носки и утюжить рубашки. Но разделить окончательно не стремились, они были очень привязаны друг к другу, часто перезванивались, вместе ходили в кино и устраивали такие ужины как сегодня. Лидия Николаевна не особенно удивилась, когда увидела накрытый яствами стол. Только отметила про себя странный момент – сын прятал глаза, вид имел суевликий и загадочный. Даже радужные мечты пронеслись лёгким ветерком: вдруг Павлик скажет, что собрался жениться, и она вскоре станет бабушкой...

Когда сели за стол и выпили вина, Лидия Николаевна не выдержала и поторопила сына:

– Паш, колись, что ты там задумал? Я должна начинать волноваться?

– Да нет мам, причин для волнения нет, – Пашка тщательно и сосредоточенно пережёвывал кусок мяса, собираясь с мыслями, через минуту глотнул вина и оторвал глаза от тарелки. – Я прочитал письма.

– Ты про что? Какие письма? – мать не сразу сообразила, о чём речь.

– Я имею в виду твою переписку с Аргирисом Дракопоулосом. Да, да знаю, отвратительно совать нос в чужие тайны! Без твоего ведома я не должен этого делать! Извини, но не смог удержаться...

– Не извиняйся. Нормально, я не сержусь. Наоборот я просто обязана давно рассказать эту историю. Только всё время что-то мешало, сначала ты был маленький, потом подросток, но оставался ещё маленьким для понимания этой сложной ситуации. Потом думала, что факт знакомства с Дракопоулосом уже не имеет значения. Ведь самое главное, что ты есть у меня, остальное уже не играет никакой роли!

– Как ты можешь так говорить! Я всё время думал, что грек, чемпион мира «Формулы1» это всего лишь плод фантазии. Ты его выдумала лишь для того, чтобы я не донимал вопросами об отце! Оказывается, он существует на самом деле!

Лидия Николаевна погладила сына по коротким волосам.

– Так что хочет услышать мой сын? Комментарии к письмам?

– Всё, я хочу знать всё!

Таких любовных событий как у его родителей, история знает великое множество. Они встретились случайно и не случайно, неожиданно и ожидаемо, в общем, их встреча произошла по законам провидения, физики и вселенной. Два человека оказались в одном месте, в одно и то же время. Шёл 80-й год, год проведения Московской Олимпиады. Её – вчерашнюю студентку Лиду, с хорошей репутацией и характеристикой прикрепили, ещё с двумя девушками, к команде из Греции. Так как Олимпийские игры проходили в СССР некоторые государства отказались участвовать по политическим соображениям. Наряду со многими антисоветски настроенными странами, Греция бойкотировала Олимпийские игры в Москве, и группа приехала в индивидуальном порядке, с разрешения своего олимпийского комитета. Кое-кому комитет оплатил поездку, некоторые приехали за счёт спонсоров, а любители спорта платили за удовольствие посмотреть невероятное шоу из своего кармана. Несколько человек из общей команды участвовали в соревнованиях по парусному спорту. Регаты проводились на берегу Балтийского моря в пригороде Таллина. Так вот после торжественного открытия Олимпиады, юной, красивой девушке Лидии комитет комсомола института доверил сопровождать спортсменов к месту соревнований. Ей доверили поселить группу в гостиницу, а в свободное время показать и рассказать о России, о пятнадцати героических республиках и конечно о Таллине. Как правило, возле спорта крутится гораздо больше людей, чем настоящих спортсменов-профессионалов, поэтому компашка для поездки в Таллин собралась внушительная. Помимо непосредственно яхтсменов, на побережье отправились сопровождающие лица-тренеры, доктора, массажисты. Вот к этой категории и относился Аргирис Дракопоулос. Он был очень красив, имел спортивную фигуру, белозубую улыбку и прямой, гордый нос. Лидочка не считала себя серой мышкой. В институте ухлёстывали всякие юноши, приглашали на свидания, и она как-то целовалась с одним, но чтобы на неё обратил внимание такой греческий Аполлон, даже представить не могла. Тем более с такой большой разницей в возрасте – он был старше на двадцать лет! Тогда она об этом не думала, не знала, и вообще закружилась кругом голова от внимания такого мачо. Да и атмосфера располагала к романтическим чувствам – Балтийский берег, праздник на каждом углу, толпы разговорящих, раздумывающих, весёлых, спортивных, нарядных людей. Романтическая история произошла во время жёсткое и не простое, все и вся держалось под контролем определённых служб, но почему-то этот взрыв чувств про-

шёл мимо глаз и носов этих самых органов. Она, как переводчица, сопровождающая спортсменов, жила с другими девушками-гидами в этом же отеле, поэтому парочка имела возможность уединяться так, чтобы никто не заметил. Налетела буря, взвился ураган чувств, эмоций и страстей. Никто из них не думал, что произойдёт дальше. Их не интересовала политика, кордоны, препятствия, закрытые границы. Они любили друг друга здесь и сейчас. Аргирис вёл себя как опытный любовник, а Лидия окунулась в чувства без памяти, но прекрасно понимала возможные последствия. Неожиданно настало время разлуки. Они сидели на стадионе Лужники, держа друг друга за руки, и смотрели прекрасное зрелище – закрытие Олимпийских игр. Глаза Лидии пузырились слезами, а когда взмыл в небо символ игр олимпийский мишка, и Лев Лещенко с Татьяной Анциферовой запели грустную песню прощания, девушка не смогла сдерживать рыдания. Ей было невероятно горько и печально от того, что это прекрасное время заканчивается и Аргирис улетает. Не известно встретятся ли они снова. Он ничего ей не обещал, а она ждала и надеялась услышать слова, которые хочет слышать каждая женщина. Жгучий грек говорил, что любит её, да вот только замуж не звал. И от этого становилось горько и тоскливо. Но по-настоящему Лида испугалась, когда поняла, что у неё будет ребёнок. Слава Богу, мать оказалась женщиной по тем временам продвинутой. Она не терзала беспутную дочь Лидку упрёками, а только сказала:

– Хоть ты бестолковая и бесхребетная, аборт делать не будешь. Бог дал такое счастье и хвала ему. Вырастим и выкормим! Рожай!

А письма он отправлял часто. Писал, что скучает, любит, грустит и хочет каждую минуту находиться рядом, особенно когда узнал, что Лида беременна. Он присылал деньги – доллары. Грек складывал в несколько слоёв бумагу, а внутрь стодолларовые купюры. Это для того, чтобы деньги невозможно было рассмотреть на свет и украсть. Так он делал несколько раз. Лида с матерью скопили приличную сумму и в один прекрасный момент отправились в инвалютный магазин «Берёзка». Там продавался отличный, импортный товар и только за валюту. Дамы наведывались в священный универмаг несколько раз, никак не решаясь на чём же остановиться. В итоге приобрели датский холодильник серебристого цвета «Rosenlew», две пары финских зимних сапог, канадскую дублёнку для Лидии и много всяких вещей для малыша. Стояло время тотального дефицита, достать что-то приличное в массовой торговле имели возможность единицы, имеющие допуск к кормушке, и когда Лидия фланировала по двору в светлой дублёнке, соседки завистливо сглатывали слюну и отводили взгляд. Он звал её в Грецию, но поехать в капиталистическую страну не представлялось возможным. Самое большое, на что они могли рассчитывать это встретиться в Болгарии на «Золотых песках» или в Венгрии на озере Балатон. Сам он приехать не мог, потому что постоянно тренировался и вскоре после рождения Павлика грек стал чемпионом мира в гонках «Формулы 1». Об этом Лида узнала из новостей по телевизору, случайно услышала, когда в программе «Время» передавали новости спорта. Позже он прислал радостное письмо и снова доллары. Она не понимала почему приходят деньги именно таким образом, а не почтовым переводом, но спросить стеснялась – вроде как запрашивает дотацию на постоянной основе. Маленький Пашка занимал всё время, мать работала посменно на фабрике, и помогать было некому, поэтому любовь к Дракопоулосу постепенно ушла на второй план. Когда она устроила сына в детский сад и вышла на работу, чувства сместились вовсе на третий. Да и его пыл постепенно угасал, денежные письма появлялись всё реже, вскоре и вовсе сошли на нет. Но любовь Лидии не померкла совсем, она ещё долго тосковала и плакала в подушку. В ней тлела и долго жила обида за то, что он оставил её одну с ребёнком в стране тотального дефицита, вынужденную еле сводить концы с концами в то время, как он барствует в своей Греции.

– Мам, но время менялось, появились сотовые телефоны, компьютеры, интернет, есть возможность без проблем выезжать в любую страну мира. Почему ты не пыталась его найти?

– А зачем? Он же не пытался найти и вернуть меня.

Лида задумалась. И правда, почему она никогда не хотела выяснить о нём хоть что-нибудь? В глубине души, сама себе отвечала на этот вопрос – просто боялась узнать то, чего просто не хотела знать. Например, что он женат, что у него счастливая, большая, греческая семья. Она предпочитала витать в потускневших от времени иллюзиях и верить в то, что Дракопоулос до сих пор верен той девушке Лиде, любит только её и что они когда-нибудь будут вместе. Её размышления перебил Пашкин голос:

– Может ты и права. Он же прекрасно знал о моём существовании и никогда не пытался увидеть.

– Я, конечно, посылала твои фотографии, писала, каким ты растёшь и этого для него, наверное, оказалось достаточно. Греческие мужчины любвеобильны и ветрены – это моё убеждение. Надеюсь, что ты пошёл не в отца и скоро у меня появятся внуки.

Лидия встала из-за стола, чмокнула сына в макушку и отправилась на кухню мыть посуду. Воспоминания всколыхнули былые чувства любовь, обиду, ревность. Она вспомнила, как болел маленький Пашка, как тяжело приходилось без денег, когда началась Перестройка, как хоронила маму. И рядом никогда не было надёжного, мужского плеча. А уж сейчас, когда сын опора, она не собирается с собаками и фонарями бегать по Европе в поисках прежних чувств.

Пашка принёс из комнаты грязные тарелки, бокалы и открыл ещё одну бутылку розового вина.

– Мам, давай ещё выпьем, а посуду я сам позже помою.

Лида вытерла руки о фартук, и они опять сели напротив друг друга, уже на кухне. Пашка разлил вино и торжественно произнёс:

– Теперь выпьем за нас с тобой! – чокнувшись, опрокинул в себя полный бокал, перевёл дух и вытер ладонью рот. – А может он помер?

– Кто? – Лидия легко захмелела и не сразу сообразила, что сын вернулся к прежней теме. – А, Дракопоулос? Не могу знать, хотя профессию он имел опасную.

– Да не опаснее чем у шахтёра или космонавта. Живёт, наверное, на вилле возле моря толстый, старый хорёк и в ус не дует, – презрительно произнёс Пашка.

– Не говори плохо про отца! – прыснула от смеха Лида. – А про старого хорька ты, наверное, угадал! Ему сейчас где-то семьдесят. Вот то, что ты любишь в машинах ковыряться, так это точно его гены. Давай-ка, выпьем за твоего папашу, я ему невероятно благодарна за то, что у меня есть ты!

В этот вечер Пашка не пошёл в свою холостяцкую квартиру, а от выпитого вина и избытка новой информации только смог дотащиться до дивана в своей комнате, и уснул крепким сном. Мать убрала остатки еды в холодильник, заварила крепкий чай и устала в окно. Там бурлила жизнь, сверкала неоновая реклама, бежали машины по дорогам, оставляя разноцветные следы. В город пришла весна, снег уже сошёл, но на дорогах чавкала слякоть, и сыпал мелкий дождь.

«Скоро лето, – подумала Лидия Николаевна, – не махнуть ли мне в Грецию на пару недель? Подкоплю денег, у Пашки немного займу и махну».

Глава 3

Сибирь

Она проснулась от головной боли и от отвратительной сухости во рту. Язык словно присох к нёбу и превратился в жёсткую, наждачную бумагу. Женщина попыталась разлепить ресницы, но каждое движение гулким эхом отдавалось в затылке и висках. Но жажда заставила скинуть ноги с кровати. Она пыталась нащупать тапки, но сосуды в голове толкали кровь с такой силой, что казалось, пробьют несчастный черепок. Усевшись на кровати и обхватив голову руками, произнесла тихо:

– Йорик, бедный Йорик!

Так и не найдя тапки, с полузакрытыми глазами поплелась на кухню. Достала из шкафчика таблетку аспирина, закинула её в рот и, обливаясь, жадно запила холодной водой. В голове постепенно прояснялось. За окном стояло хмурое утро, и моросил мелкий, мерзкий дождь. На кухне в каждом углу стояли разномастные, пустые бутылки из-под алкоголя, стол заливал какой-то липкий, красный сок, а в центре громоздилась гора грязной посуды. Холодильник улыбнулся белой пустой, только в углу скрючились старые овощи, и в целлофановом пакете заплесневели дряблые сосиски. Она с чувством захлопнула дверцу и села на ротанговый, уютный диванчик. Выпить нечего, пожрать тоже. Женщина встала, заварила чай. Громко отхлёбывала, обжигаясь, и размышляла:

«Деньги, наверное, все спустила на выпивку, но ничего, теперь финансы не проблема».

Проснувшись окончательно, пошарила по закоулкам кухни, за мусорным ведром, за холодильником, под столом, прошлась по шкафам в спальне, заглянула за диван и обнаружила ещё запечатанную бутылку водки. Обрадовалась про себя:

«Вот идиотка, сама от себя прячу, сижу тут в четырёх стенах одна одинёшенька, ни друзей, ни подруг, ни родственников».

Да и не хотела она никого видеть и ни с кем разговаривать. Сейчас для комфорта душевного и телесного лучше побыть одной. Никто не должен видеть её пьяное уродство. Тем более, завтра только чай, бульон куриный, а уж послезавтра вечером самолёт на другую родину – не историческую. Одним глотком проглотила рюмку водки и глубоко вздохнула несколько раз, чтобы унять, подступившую тошноту. По телу разлилось тепло. Забравшись с ногами на кухонный диванчик, включила музыкальный канал по телевизору и снова углубилась в воспоминания о своей то ли несчастной, то ли счастливой жизни.

Зоя росла девочкой хорошей, да вот собственно и всё, что можно сказать про хорошую девочку Зою. Она ровно училась, серо выглядела и ничем не выделялась среди сверстников. Пышечка среднего роста с широко расставленными, бездонно голубыми и до тупости наивными глазами. Её одноклассники кипели как на вулкане: записывались в танцевальные и спортивные кружки, в музыкальные, художественные школы, пели песни под гитару, пекли картошку на костре, ходили в многодневные походы, а позже влюблялись, писали друг другу любовные бесхитростные записки, бегали на свидания, приглашали друг друга в кино и на дискотеки. Всё это как-то проходило мимо неё. Нет, она училась неплохо, но особенно ничего не интересовало, она не влюблялась, не плакала ночами в подушку и домой возвращалась ровно в десять тридцать – как наказывала мама. А родительница часто отсутствовала дома и дочь в основном оставалась на попечении отца. В конце Перестройки мать быстро ухватила тему и поняла, что нужно во времена тотального дефицита. Сначала с новосибирского базара тюками таскала китайские кружевные, женские трусики, носки, колготки, заколки для волос. В первое время сама стояла на местном рынке со своими тряпками, потом взяла в аренду небольшую площадь в крупном торговом центре и наняла за небольшую зарплату продавщицу. Но вскоре поняла, что может обойтись без новосибирских посредников, которые торгуют трусами. В один

прекрасный момент отправилась за товаром сначала в Турцию, а потом и в Грецию. Там оптом закупала кожаные куртки, плащи и изделия из ценных мехов, а это уже был другой товарооборот и другие деньги.

Между тем Зоя выросла в симпатичную, слегка полноватую девушку с нежной, чистой кожей, открытым взглядом голубых глаз и длинными ногами. По утрам они с отцом готовили яичницу с колбасой, кофе с молоком и разбегались – он на завод, она в школу. По выходным смотрели телевизор, иногда зимой ездили на городской каток или на лыжную базу, осенью собирали грибы, летом клубнику на полях. В этой маленькой компании скучать не приходилось. Ещё они заботились друг о друге. Когда приезжала мать, порядок нарушался, и квартира становилась похожа на перевалочную базу, которая доверху забивалась полосатыми тюками. Пахло кожей, на кроватях валялись шубки, шапки, манто из норки, опоссума и всякого невиданного меха. Когда Зоя окончила школу, наступило время определяться с учебным заведением. Отец хотел, чтобы дочь поступила в институт, а мать заняла позицию совершенно категоричную. Она считала, что для её дочери будет лучше отучиться в кулинарном или швейном училище и хорошо выйти замуж за турка, грека, да за чёрта лысого, только подальше от Сибири. В тяжёлые времена, когда в стране стояла разруха, безработица и нищета, мать видела, как люди живут в странах, в которых она забивала шмутьём сумки. Женщина прикладывала все усилия для того, чтобы устроить жизнь единственного чада. При всяком удобном случае демонстрировала фотографию своей русоволосой, голубоглазой дочери иноземным торговцам. И то, что она хотела, случилось! В одном большом меховом магазине в Салониках, в который торгашка постоянно навещала за товаром, управляющей возжелал познакомиться с русской девушкой. Правда он был старше лет примерно на двадцать, но это не являлось преградой, ни для кого, кроме, может самой девушки, да только её мнением особенно никто не интересовался. Мать сказала прямо:

– Зойка не валяй дурака, тебе всего девятнадцать лет и ты не можешь знать, что для тебя лучше. У тебя просто ни мозгов для этого нет, ни опыта! – прямолинейность матери просто зашкаливала. – Выйдешь замуж за грека, проживёшь пару лет, потом получишь гражданство, а уж потом делай что хочешь. Можешь развестись с ним, заберёшь отступные и люби кого хочешь. А сейчас слушай мать!

Отец страдал от мысли о предстоящей разлуке с дочерью, но в глубине души соглашался с женой. А она гнула свою линию:

– Сейчас дела хорошо идут, ещё одну точку в городе откроем, а там, как Зоя обоснуется, продадим бизнес и купим домик на берегу Средиземного или Эгейского моря. Будем на старости лет косточки на берегу греть.

И Зоя прониклась этой мыслью, ведь это нужно не только ей, но и её родителям! Они так много для неё сделали! И, как овечка на заклание, после оформления документов, отправилась с матерью сначала на знакомство, а потом уже и на регистрацию брака.

Греция её просто поразила какой-то контрастностью красок – белые каменные дома, бирюзовое море, зелёные пальмы, бездонное небо. Да и встретили её очень душевно. Семья оказалась большая с множеством дядей, тётъ, кучей детей. Своего мужа она стеснялась, скорее, начинала стесняться при его появлении. Выглядел он импозантно – высокий, немного склонный к полноте и с бледной кожей. Мужчина совсем не походил на жгучего, страстного грека, которого она рисовала себе в воображении. Мануэль Папаниколау, так звали её будущего мужа, имел светлые волосы, гнилые зубы, дочь от прошлого брака и долю от продаж в популярном меховом магазине. А что он не имел, так своё жильё – проживал с матерью, шестнадцатилетней дочерью, да и сестра часто гостила с мужем, двумя племянниками и ленивым, толстым шарпеем по кличке Пигги. И чего ещё он не имел, так это такую черту характера, как щедрость. Он оказался не просто экономным, а патологически жадным. Но всё это Зоя поняла только после свадьбы. А пока она восхищалась большим, комфортабельным домом из

белого камня, с большим фруктовым садом. После двухкомнатной квартиры эти хоромы просто приводили в восторг. Мрлодожёны поселились в просторной комнате на первом этаже с душевой и отдельным выходом в сад. В доме был заведён определённый порядок. Греки почти ничего не ели на завтрак, только немного кофе с печеньем, обедали далеко после полудня, а уж ужинали от пуза и поздно вечером. От такого распорядка Зойка всё время хотела есть, а к последнему приёму пищи ужасно клонило ко сну. Но она не пыталась перечить или что-то изменить, да и вообще жила серой мышкой с человеком, которого немного побаивалась и только мечтала, что скоро, её стараниями, мама с папой поселятся рядом. Мануэль отправил её на курсы греческого языка, Зоя завела себе тетрадки и старательно вырисовывала иноземные каракули. Вскоре дочь мужа отправилась учиться в Америку, появлялась редко, на каникулы и то на несколько дней. Мать с сестрой относились к ней сдержанно-снисходительно, работу по дому не доверяли, еду готовили сами, а посуду мыла посудомоечная машина, что для Зои было на грани фантастики. Но она находила себе занятия – читала книги, занялась изучением английского языка, вязала мохеровые свитера для племянников мужа, а будние дни проводила в меховом магазине, помогала разбирать товар, мыла витрины, выносила мусор. Так появились хоть небольшие, зато её личные деньги. Но главным занятием являлся Мануэль. И то, что он проделывал с ней за закрытыми дверями их спальни, привело бы в шок даже самого искушённого. Зоя не понимала хорошо это или плохо, морально или аморально, это секс или разврат. Её никто не учил и не объяснял, как надо вести себя с мужчиной. В качестве примера она брала только взаимоотношения матери и отца. В них не сквозило даже намёка на сентиментальность, а тем более не видно было наличия секса. Нет, секс, конечно, имел место, иначе, откуда бы она появилась, но об этой стороне жизни родителей Зоя не задумывалась. Да и вообще витала где-то в облаках, читала «Евгения Онегина», «Анну Каренину», глотала книг много и запойно и, конечно же, всё больше о любви возвышенной. Однажды в руки попала книга Дэвида Лоуренса «Любовник леди Чаттерлей», вот тогда Зойка поняла, что любовь не только вздохи на скамейке и не прогулки при Луне, но и страстное желание тела. Но отношения с мужем переплюнули её самые смелые мечтания о постельных сценах. Муж Мануэль прекрасно понимал, что взяв в жёны девушку чистую и неискушённую, сможет в дальнейшем обтесать эту Галатею по своему образу, подобию и представлению. Она явилась, как чистый белый лист, и он вписывал туда содержание, которое диктовало его извращённое сознание.

Поначалу шло всё как подобает: пышная свадьба с большим количеством родственников, красивое, белое платье до пола, кружевная фата и туфли на высоких каблуках. Голова кружилась от счастья, что она простая девушка из русской глубинки имеет такую шикарную свадьбу, мужа грека и большое количество богатых родственников. Это потом, со временем стало всё меняться и блекнуть. Как будто Золушку обманули, и ничего не изменилось и карета-тыква, и платье – грязные лохмотья и принц никакой не принц, а так, дряблая груша, которая вечно жуёт печенье и дымит сигаретами. На следующий день после свадьбы платье и туфли отнесли назад в магазин проката, галдящие родственники разъехались, оставив грязный пол и горы мусора, а в довершении всего, поведение мужа просто сразило наповал. Зоя ждала нежности, возвышенных слов о любви при свечах, брачное ложе с балдахином и романтики, но в ночь после свадьбы о ласках и интиме не велось и речи. От всех церемоний, танцев, поздравлений они свалились спать без задних ног. Но то, что должно было произойти, произошло. Зоя не знала, понравилась ли ей близость с Мануэлем или нет, просто не испытывала другого, и ей не с чем было сравнивать. Это потом стало понятно, что он не любил её в прекрасном понимании слова, муж развращал и растлевал жену на законных основаниях. Всё происходило постепенно (хоть на это хватило ума у этого Сатира). Сначала он включал для неё порно видео, чтоб она понимала, как можно и нужно доставить удовольствие мужу, потом забил прикроватные тумбочки всякими сексуальными игрушками. Как-то вечером из города привезли большой телевизор и повесили на стенке напротив кровати. Теперь порно они могли наблюдать на большом

экране в мельчайших подробностях. Муж оказался неутомим в своих фантазиях и установил на штатив возле кровати видеокамеру и снимал всё происходящее. Но удовлетворить Мануэля было не так-то просто, он желал всё большего, хотел, чтобы она главенствовала над ним, унижала, хлестала плётками и туфлями на высоких каблуках наступала на его лицо и гениталии. На другой день на теле проступали синяки, но он не обращал на это внимания, а только лизал её туфли языком и ползал на коленях. Однажды к их игрищам присоединилась женщина, и Мануэль заставил Зою заниматься любовью с этой уже немолодой, потрёпанной дамой, а сам сначала наслаждался действием, а потом уже и сам влился в их голый клубок. Зоя понимала, что происходит что-то гадкое и ненормальное, но не знала как может это изменить. Она не представляла, что вернётся в холодную Сибирь без образования, без денег. Да и что она скажет матери с отцом? Что законный муж затрахал её? И в то же время в ней просыпалось что-то низменное, она получала дикое грязное наслаждение, сама себя презирала, но ничего не могла изменить. Так продолжалось несколько лет и с появлением интернета их игрища становились всё изощрённее. Он знакомился в сети, а потом встречался на скайпе с женщинами из Болгарии, Украины, Румынии, России и особенно понравившихся, приглашал в Грецию. Как правило, это были дамы замужние, скучающие и состоятельные, которым не хватало остроты ощущений. И если Мануэль скупердяйничал относительно жены, еды, дома, то в вопросах секс-туризма проявлял необычайную щедрость. Он оплачивал даме приезд, перелёт, отель, хоть и скромные, но рестораны. Оказалось, что желающих испытать щекотливый и экзотический секс находилось, хоть отбавляй. Чета Папаниколау пару раз в месяц снимала номер в каком-нибудь отеле подальше от города Салоники, несколько дней предавалась разврату, а после любящая пара возвращалась на уютную виллу. Большая греческая семья даже не догадывалась о том, что происходит на другой половине дома, ждали появления внуков, пытались отправить сноху на лечение в клинику от бесплодия. Но причина таилась в другом – Мануэль категорически отказывался от детей! Муж заставлял Зою предохраняться и помалкивать перед родственниками, мотивируя это тем, что она ещё молодая и успеет родить ребёнка, а пока надо радоваться жизни и не создавать себе проблем. Но однажды она почувствовала неладное, долго молчала и не делилась своей тихой радостью с мужем. Зоя надеялась, что с появлением ребёнка всё изменится и их жизнь очистится от этого грязного, развратного хлама. Да только он всё понял сам. Отсутствие месячных, бешеный аппетит и рвота по утрам навели его на мысль, что жену необходимо показать доктору. Её психика была подавлена, и она как безвольная овца отправилась на приём в клинику, примерно зная, чем это кончится, но всё же, в душе её теплилась маленькая надежда.

Он искренне недоумевал, что же такое важное произошло? Миллионы женщин проходят через аборт и спокойно, без истерик и надорванных нервов живут дальше. Но просто не узнавал свою жену Зою. Каждый день в ней происходили перемены. Первые два дня после клиники она лежала в кровати, отвернувшись к стенке, ничего не ела и ни с кем не разговаривала. На третий день утром вышла в столовую, сварила яйца, сделала для себя бутерброды со шпротами и колбасой, плотно позавтракала, потом ушла на свою половину дома, привела себя в порядок, взяла ключи от машины и уехала в неизвестном направлении. Вечером, когда вся семья вместе с меховым шарпеем Пигги собралась ужинать и уже восседала за большим, обильным столом, вошла Зоя. Все повернули головы, не исключая собаки и замерли на полуслове. Десять лет под одной крышей с ними жила милая, нежная девушка, с длинными волосами, без маникюра и косметики, без претензий и требований. И сейчас в столовую вошла уверенная в себе женщина, с ярким макияжем, модной стрижкой, в светлой юбке выше колен и в шёлковой блузке с глубоким декольте, которое открывало её красивую, высокую грудь. Но что их окончательно добило, так это маленькие, чёрные, гипюровые перчатки. Они никак не подходили к её туалету и к той жаре, которая стояла в это время года на побережье. Зою не смутило столь пристальное внимание к её персоне, она выдержала небольшую паузу и чётко произнесла:

– Всем добрый вечер. Прошу не ждать меня на ужин. Я не желаю больше есть в столь поздний час.

Потом повернулась на каблучках новых, лаковых туфель и скрылась в своей половине дома, оставив за спиной немую сцену из недоумевающих родственников.

С этого дня всё пошло по-другому, по-новому. Её поведение не особенно противоречило существующему укладу в доме, но Зоя начала жить самостоятельным анклавом внутри большой греческой семьи. Она не нарушала ничей покой и распорядок, но вышла из традиций общества и стала жить отдельно. Когда утром все пили кофе с печеньем, Зоя варила для себя и радостной собаки яйца всмятку и овсяную кашу, когда вечером все садились за обильный стол, она выпивала стакан кефира и удалялась на свою территорию. Поднималась рано, делала пробежку по берегу моря, плотно завтракала, приводила себя в порядок и шла в магазин. Мужу она сказала, что больше не будет полумойкой, лучше если он наймёт персонал, а если денег жалко, то пусть моет своими руками. А сама встречала клиентов, рекламировала новинки, сортировала товар и оформляла витрины. И больше всего ошарашил Мануэля и семейку, тот факт, что Зоя начала курить. Курить красиво и элегантно, держа сигарету наманикюренными пальчиками и оставляя пунцовую помаду на фильтре. Больше всех этой перемене оказался рад шарпей Пигги. Он увязывался за ней повсюду, утром бегал по берегу моря, потом припрашивал кусочки колбасы за завтраком и таскался за хозяйкой по магазину, а когда уставал, то заваливал своё толстое, меховое тельце на специальный матрасик у кассового аппарата.

Поначалу Зоя отказывалась от секса совсем, ссылаясь на здоровье, потом под натиском мужа она изредка соглашалась, но уже без диких и дерзких фантазий. Он не стал ей безразличен и отвратителен, но что-то внутри сломалось, как будто потерялись ключики от заводного механизма, которые открывали дверцы души. Когда доктор сообщил, что она уже не сможет иметь детей, Зоя и сама не знала почему, но не рассказала об этом мужу, просто отгородилась от человека, с которым прожила почти десять лет. В сердце происходила борьба, она ненавидела и в то же время любила Мануэля. С первых дней их совместной жизни она желала его, он умел довести её до высшей степени наслаждения. В душе проносились тайфуны, ураганы, цунами, но внешне она сохраняла спокойствие. Зоя понимала, что если подаст на развод, то ничего не получит. Греки легко выкинут её из бизнеса, самостоятельно, без денег и поддержки прожить в этой стране практически невозможно, но о том, чтобы вернуться в Россию к родителям, как побитая нищая собачонка не велось и речи. Она решила взять тайм-аут, чтобы собраться с силами и мыслями.

Как-то Мануэль сообщил, что они уезжают на несколько дней из дома на встречу с дамой, которая приезжает из Болгарии. Он был энергичен и весел от предвкушения сексуальных пиршеств, насвистывал какую-то мелодию и часто затягивался сигаретой, стоя перед балконной дверью. Стояло раннее утро, Зоя красила у туалетного столика ресницы и при этих словах повернулась к мужу и чётко сказала:

– Ты сломал моё тело, но я не позволю окончательно сломать мою душу. Больше в твоих забавах я не участвую.

Мануэль слегка оторопел и даже испугался. Зоя наредила только один глаз, и на него смотрело лицо- маска, одна половина была живая, яркая, а другая бледная и мёртвая. Он затушил сигарету и жёстко произнёс:

– Но ты знаешь, что я хочу этого и ты должна быть со мной!

– Я ничего тебе не должна, сам можешь жить, так как тебе нравится, встречайся с женщинами, занимайся сексом. Только оставь меня в покое! В эти игры я больше не играю! Противно! Фу! Презираю!

Мануэль задохнулся от гнева. Эта курица, которая всё время сидела возле его ляжки, всё больше и больше выходила из-под контроля. Но что самое странное, где-то в глубине души он

гордился женой. Эта свободная красивая женщина нравилась ему гораздо сильнее той, прежней. Он схватил её за плечи, потряхнул, в надежде, что её мозги встанут на место и зашипел:

– Чего ты добиваешься? Я могу дать тебе развод! Отправляйся в свою Сибирь!

– Развод? – усмехнулась Зоя. – А что ты скажешь родственникам? Что тебя не устраивает просто секс с законной женой, ты предпочитаешь разврат, групповуху! Что ты заставил меня сделать аборт и лишил их наследника!

– Успокойся, не кричи, прошу тебя.

Мануэль старался погасить скандал. Он не хотел, чтобы на шум сбежалась вся семья и услышала подробности их интимных отношений. Мама, да и все родственники были людьми набожными, имели твёрдые моральные устои, православную веру, регулярно посещали церковь и чтители традиции. Он даже представить себе не мог, что может произойти, если близкие узнают хоть мелкие подробности.

– Тебе надо отдохнуть, – примирительно сказал Мануэль, пытаясь обнять жену. – Поезжай куда-нибудь. Куда хочешь? В Рим, Париж, Берлин... Я тебе денег дам!

– Да, куда ты денешься, конечно, дашь! – Зоя всхлипнула и сбросила его руку. – К маме хочу в Сибирь.

На том и остановились. Уже через неделю Зоя сидела на уютной маленькой кухне, ела воздушные пирожки с капустой и запивала молоком. Ей было спокойно и безопасно в родительском доме. За годы супружества она несколько раз приезжала гостить на родину, пару раз прилетала в Грецию мать. Её, некогда процветающий бизнес, захирел. Банк, в котором она хранила деньги, лопнул вместе с надеждами купить домик в Греции и жить на берегу тёплого моря рядом с дочерью и внуками. Зоя плакала тайком от родителей, потому что ни домика, ни внуков, ни денег, ничего нет, муж развратный козёл и помощи ждать не от кого. Уже позднее, когда гостила у подружки в Новосибирске, они решили посмотреть нашумевший японский фильм «Империя чувств». Кино шокировало откровенностью, хотя Зою уже трудно было чем-то удивить в вопросах интимных отношений. Она поняла, что Мануэль, как и герой этого фильма, никогда не насытится сексом. Стремление постигать всё больше и больше наслаждений, когда-нибудь дойдёт до абсолюта, до высшей, конечной точки, то есть до смерти. И так же открыла для себя, что не сможет и не хочет, как героиня этого фильма помереть рядом с ним в экстазе или сойти с ума. А потом подумала и усмехнулась мысленно – уж слишком высоко оценила этого Сатира, сравнив с героем фильма. Он просто мерзкий сластолюбец с потными руками и извращённым сознанием. Она никогда никому не рассказывала об этой стороне своей жизни, понимала, что если мать узнает подробности, для неё как минимум придётся вызывать неотложку, а максимум муж получит скалкой по башке сильно и не один раз. А расстояния для мамы никогда не вставали преградой. Но настало время возвращаться в семейное гнездо. Пуще всего она скучала по маленькому шарпею Пигги и знала, что больше всех ждёт её возвращения этот маленький коричневый дружок.

Она вернулась в прежнюю жизнь, но уже совсем другая. Внешне всё обстояло как прежде, но отношения с мужем поменялись радикально. Если раньше были только сексуальные, то сейчас стали только деловыми. Оба сохраняли хорошую мину при плохой игре. Но в доме, казалось, никто ничего не замечал. Ночи проводили вместе на своей стороне дома, только Мануэль иногда отлучался и отсутствовал по несколько дней, но все думали, что он уезжает по делам бизнеса. А она не собиралась никому ничего объяснять. В семье Зоя стала чужой. Да и что с неё толку, детей нет, курит как паровоз, красит лицо, словно уличная девка, в церковь перестала ходить. Зойка старалась находиться дома как можно меньше времени, чтобы не ловить на себе укоризненные взгляды свекрови и золовки в тот момент, когда она достаёт из пачки очередную сигарету. Мануэль же помалкивал в тряпочку, боясь разоблачения. Он страшился не только этого – его бизнес постепенно приходил в упадок, русские челноки во множестве своём переключились на китайские шубы и кожу. Те торговали на порядок дешевле и ерунда, что качество

дрянное. Китайский товар не шёл ни в какое сравнение с прекрасными, греческими меховыми изделиями, но торгашей интересовал только навар. И как только Папаниколау с партнёром не крутились: и скидки предлагали, и рассрочку, и витрину новую заказали, и челноков готовы были из аэропорта забирать, да только никак не могли оптовых покупателей заманить назад. А российский рынок ничем не заменить! Страна огромная, холодная, да и русские женщины большие любители в драгоценных мехах щеголять. Вот эти дамы красивые, себя преподнести умеют. Они даже на пляж, в самую жару без макияжа и маникюра не выходят. Не то, что эти европейки, сплошной унисекс, бесформенный пуховик, растянутый свитер и бейсболка! Ни лица, ни шарма.

Жена приходила в магазин только, чтобы дома не находиться, да собаку выгулять. Так и жили чужие люди под одной крышей, не интересуясь друг другом. У Зои появились новые знакомства, подруги и компании. Часто она забирала Пигги, и они ходили по магазинам, обедали с друзьями в ресторане или купались в море. Шарпей просто обалдевал от счастья. Если дома он путался под ногами, и на него никто не обращал внимания, то в компании с Зоей он был центром внимания. Плюшевую собаку тискали, кормили вкусными сосисками и сюсюкались как с маленьким. Как-то приятельница пригласила Зою на вечеринку в один роскошный ресторан, по случаю своего дня рождения. Она не очень хотела идти. Собиралась большая компания, и из них Зоя знала только именинницу, но в последнюю минуту надела красивое платье, подправила макияж, схватила в охапку своего мехового спутника, вызвала такси и отправилась навстречу своей судьбе.

Он следил за ней с момента появления, как коршун за добычей, наблюдал со стороны, не приближаясь. А Зоя просто блистала, много танцевала, пила белое лёгкое вино, громко смеялась над чьими-то шутками. И вообще порхала элегантно, грациозно и живо. Её дурацкая плиссированная собака повизгивала от счастья в чьих-то объятиях, и эти две персоны сияли в центре внимания. Пару раз он пригласил её на танец, завёл так сказать знакомство и вскоре исчез из поля зрения. Потом навёл о незнакомке справки, узнал номер телефона, место работы и на следующий вечер ждал в ресторане, напротив мехового магазина. Он был старше её, гораздо старше, почти на тридцать пять лет. Но этот факт не смущал ни его, ни её. Он вообще забыл, что это такое – влюбляться, но хотел обладать этой женщиной, и его финансовые возможности позволяли ухаживать с размахом. А женщина не противилась новым романтическим отношениям, ведь жизнь превратилась в тоскливое однообразие. Она жила в чужом доме, в чужой стране, с чужими людьми. Он быстро понял, что законный муж не является особенной преградой. Пара стала проводить много времени в роскошном доме ухажора, ходила по ресторанам, не скрываясь от любопытных взглядов. Это не осталось незамеченным, и сначала Мануэль начал укорять её в открытом распутстве, а потом к этому солисту добавился хор голосов, состоящий из свекрови, золовки, мужа золовки, сотрудников магазина, подруг, соседей. Вскоре Зоя подала документы на развод и, собрав чемодан с вещами (это всё, что она нажила за время супружества) и, прихватив втихаря любимую собаку Пигги, переехала к новому возлюбленному. А когда женщина получила развод, пара тихо, в узком кругу друзей, сыграла свадьбу. Муж пожилой грек оказался человеком не только состоятельным, а богатым. Имел роскошную виллу с выходом к морю на острове Кипр, куда они после свадьбы и переехали. На этом богатства не закончились. На небольшой частной марине плескались пришвартованные: водный мотоцикл, небольшая моторная яхта и гордость хозяина трёхпалубная яхта класса «Люкс». Ещё он имел солидный счёт в банке, целый автопарк эксклюзивных авто и недвижимость в США. Самое интересное, что, несмотря на солидный возраст, это был его первый, официальный брак.

Когда Зоя сообщила матери о разводе и новом замужестве, то та пришла в ужас неопи-сываемый. Она вообще противилась всяческим переменам, но когда прилетела в Грецию и увидела, что на что поменяла дочь, то счастью не было предела. Она ходила по комнатам, гаражам,

садам виллы, всплёскивала руками и закатывала глазки от восторга. Только одно огорчало сердобольную мамашу – уж больно стар мужичонка! Как же в постель с ним Зойка ложится? Ведь дед и помереть может, сердце не выдержит от удовольствия! А уж про внуков нечего мечтать! Да уж и ладно, что его, старого, варить что ли?

Зоя же быстро освоилась в роли богатой хозяйки, уволила многочисленную прислугу, оставила только кухарку и садовника. Её раздражало то, что когда они завтракали, обедали или ужинали, за спиной скапливалась целая армия прислуги, которая заглядывала через плечо и дышала в затылок, готовая по щелчку кинуться в угождении. Она не чувствовала себя хозяйкой и всё время на кого-нибудь натыкалась то в спальне, то в ванной, а ей хотелось большей приватности. Сначала молодожёны не перечил жене, но потом начал затягивать гайки её свободы. И как-то, имея на жену большую досаду, резко высказал:

– Зоя, дорогая, ты должна понимать, что я уже не молод и не имею такой гибкости в поведении, как имел в молодости. И поэтому не хочу и не буду что-то менять в своём жизненном укладе. Я закрыл глаза на то, что ты уволила почти всю прислугу, но это последнее что ты меняешь. Я не хочу, чтоб твои многочисленные русские родственники ошивались по дому. Если желаешь, можешь навещать своих близких в России, сколько тебе влезет, но присутствие твоей мамы, которая суёт свой нос везде, даже в наши интимные отношения, меня категорически не устраивает! И ещё: я не хочу видеть в доме эту несносную собаку. Кругом шерсть, визг и слюни! Пусть она живёт в саду, в гараже, где угодно, только не в доме, а лучше, вообще отдай в общество собаководов или приют для бездомных животных, там о ней позаботятся.

Зоя закручинилась и почувствовала себя запертой в золотой клетке, в которой не было места для самых любимых. А однажды садовник обнаружил возле дверей дома, как-будто меховую тряпку, коричневое тельце бездыханной собаки. Причину смерти не установили, но Зоя затаила тайное подозрение, что руку приложил её старый муж. Она плакала несколько дней и долго находилась в печали по безвременно ушедшему, единственному близкому, задушевному и преданному другу. Мгновенно испарились надежды на то, что мать с отцом когда-то поселятся рядом. Она рисовала себе идиллические картинки, как богатый муж распахнёт свою душу и двери для новой, дружной семьи. А теперь мечты распались на мелкие осколки, она одна в прекрасном доме, но без душевного тепла. Постепенно в голове начала проявляться картина, как в химикатах проявляется фотография, обретая чёткость и цвет. Представлялось, что в жизнь ворвался орёл с размахистыми крыльями, а это оказался индюк с дряблым, отвисшим подбородком, который может взлететь, если его пнуть, как следует. Иногда Зоя с грустью вспоминала дом в Салониках. Там постоянно гостило много народа, ребятишки шумно играли, Пигги резвился на лужайках, а для русских сватов всегда открыты двери. Когда они приезжали из России, свекровь готовила обильный стол, собирались многочисленные родственники. За стол садились все и дети, и взрослые, много ели, пили вино, разговаривали о политике, о ценах и, конечно, пели песни. Собаки и кошки тусовались тут же, тёрлись возле подвыпивших хозяев, припрашивая кусочки мяса. И ещё одна странность появилась в мыслях: она скучала по Мануэлю. Зоя пыталась разобраться в своих чувствах, и всё больше приходила к мысли, что в глубине души, у неё сохранилось чувство нежности к нему. Она не жалела об уходе, только предполагала, что если бы осталась с ним и проявила волю, то смогла бы обуздать пылкую сексуальность бывшего мужа. И сейчас чем сильнее в Зое расцветала женская сила и привлекательность, тем больше второй муж терял свою мужскую силу. Он горстями глотал виагру, но таблетки уже не могли вернуть былую энергию в потрепанный временем организм. Это и понятно, её муж Аргирис неотвратимо старел. Да только потеря собаки, не была последней. Вскоре позвонила рыдающая мать и сообщила, что отец скончался от сердечного приступа. Не прошло года, как тихо этот мир покинула мать от тоски и одиночества. Зоя поставила родителям дорогой, гранитный памятник, один на двоих, посадила цветы и куст сирени на могиле. Она дала денег соседке, чтобы та следила за порядком в квартире и вовремя платила по счетам,

а сама вернулась к несносному долгожителю мужу в роскошный особняк. Жизнь потекла, как и прежде. Как хорошая жена ухаживала за мужем, наводила порядок в доме, окончила курсы судовождения в «Яхтенной академии», в свободное время купалась в море и даже пристрастилась к рыбалке. Теперь они много времени проводили в море, уходили то на несколько дней, то на месяц в Турцию или на греческие острова.

Но никто не вечен под Луной. Зоя похоронила богатого мужа и на несколько дней приехала в свою ненавистную и любимую, родную, холодную Сибирь, чтобы поплакать на родительской могиле, навестить школьных подружек и отдышаться от всех стрессов, которые преследовали её последнее время. Сейчас она миллионерша и может позволить себе всё! Да только самых любимых уже нет рядом ни родителей, ни нежного дружка Пигги. Про усопшего мужа, конечно, вспоминала, но только в общем контексте своих потерь. Она скиталась по пустой, гулкой квартире со свалывшимися волосами, облезлым маникюром, перебирала старые фотографии и долго рассматривала своих молодых, счастливых родителей. От этого становилось тошно и тоскливо, поэтому она пила водку горькую уже несколько дней, то ли для того чтобы забыть, то ли для того чтобы накрепко запомнить. Зоя допивала последнюю бутылку, безутешно всхлипывала от жалости к себе и пьяным сознанием понимала, что завтра придёт в себя, напьётся чаю, приведёт в порядок квартиру и вернётся на Кипр в новую роскошную жизнь. Она ещё окончательно не осознала, что стала миллионершей, остался важный штрих – подтверждение своего богатства и влияния со стороны окружающих. Как в той знаменитой фразе: «Короля делает свита!»

Глава 4

Москва

Лида сладко потянулась и села на кровати, не стесняясь своей наготы. Она гордилась своим телом, гладкой, смуглой кожей, упругими ягодицами и маленьким, аппетитным животиком и с удовольствием демонстрировала его мужчине, с которым имела интимные отношения пару раз в неделю, на протяжении вот уже трёх лет. В глубине души хотелось иметь с ним официальный брак, но Лидия считала, что мужчина должен принять решение и ни в коем случае под её давлением. Вместе они смотрелись весьма эффектно, всегда одетые с иголочки, подтянутые, высокие. Она носила обувь на высоких каблуках, узкие юбки и приталенные пиджаки. Несмотря на среднюю зарплату, покупала дорогую парфюмерию, делала маникюр, не терпела седые волосы – периодически посещала салон, где красилась в каштановый цвет и делала стрижку. Лида не понимала некоторых коллег – преподавателей университета, которые позволяли себе появляться перед студентами в виде неопрятного и даже замызганного. Конечно, глубокое погружение в науку забирает всё внимание и разрешает не интересоваться такими мелочами, как растянутый свитер, нечищенные ботинки или давно немые волосы. Фиг с ним, если это чисто научная работа, но заумный засранец идёт к коллегам и к студентам!

Он успешный бизнесмен содержал несколько оптовых баз и поставлял по магазинам и ресторанам свежие овощи и фрукты. Его работа, тоже обязывала иметь вид презентабельный, иметь хороший автомобиль и желательно с собственным водителем. Хотя в те дни, когда Алексей встречался с Лидией, он отключал телефон, отпускал водителя и наслаждался её обществом. Иногда вместе обедали в городе, иногда ходили в кино, иногда проводили вместе ночь, но никогда не говорили о совместном будущем. Лида ни разу не приглашала его в свой дом, не знакомила с сыном и не спрашивала Алексея о его жизни за границами их взаимоотношений, потому что знала: он женат и имеет двух взрослых дочерей. И если он в своих рассказах начнёт привирать, то ей будет неприятно. Вроде тех баек, что не может развестись потому что жена неизлечимо больна, или дети не переживут расставания с папой или жена имеет все документы на бизнес, и в случае развода он не получит ничего или ещё какой-нибудь традиционный бред, который она не раз слышала в своей жизни. Но сегодня Лида хотела посоветоваться с ним, а может даже попросить помощи. Она поцеловала его в щёку и потянулась за блузкой, которая лежала на пуфик рядом с кроватью.

– Может, перекусим где-нибудь в городе?

– Всё что хочешь, любимая? Я не хочу расставаться с тобой. Какую кухню выберем? Итальянскую, китайскую, русскую?

– Без разницы. Мне очень надо посоветоваться с кем-то. Вдруг твоё мнение окажется полезным и поможет разобраться в одном тонком деле.

В итальянском ресторане на тихой улочке они выпили по бокалу вина, сделали заказ и Лида, не дожидаясь еды, начала свой рассказ. Затеялась издали про сына, про его отца грека и про то, что сын намерен получить от него наследство.

– Я не знала и не следила за жизнью и судьбой Аргириса. Да и как я могла это сделать? Сначала висел железный занавес, потом это потеряло значения для меня, но когда сын узнал, кто его отец и где живёт, то начал искать его в социальных сетях, просматривал любую информацию. И вот несколько дней назад, Павлик прочитал на каком-то новостном зарубежном сайте, что чемпион мира «Формулы 1» Аргирис Дракопулос скончался на семьдесят втором году жизни в прошлом месяце на острове Кипр. Официально зарегистрированных детей у чемпиона нет, и весь спортивно – автомобильный мир соболезнает вдове умершего, которая оказалась единственной наследницей и, кстати, получила многомиллионное состояние, шикарно-

ную яхту, виллу на берегу моря и недвижимость в США. Так вот сын решил поехать в Грецию и заявить права на половину оставленного состояния.

– История очень интересная, – рассказ Алексея заинтриговал. – А чем я могу помочь?

– Ты как-то обмолвился, что сотрудничаешь с греками и у тебя есть знакомые и связи. Может, подскажешь толкового адвоката, который сможет представлять интересы сына на Кипре. Конечно, не бесплатно.

– Надо подумать и связаться с партнерами. Скорее всего, получится чем-то помочь. На острове достаточно большая русская диаспора, да и с местными фермерами я плотно сотрудничаю. Завтра сделаю несколько звонков и сразу сообщу. Когда твой парень хочет лететь?

– В конце недели. Я пыталась отговорить его от этой идеи. Вообще будет не сложно доказать, что Пашка его сын, есть письма, фотографии, проблема состоит в том, что его уже похоронили. Да и жена Аргириса легко не расстанется с половиной наследства. Только боюсь его одного отпускать. А ехать с ним не могу, на работе завал, на носу летняя сессия, а потом вступительные экзамены у абитуриентов.

– Перестань паниковать. Парню в этом году тридцать лет, а ты его всё курируешь, как своих студентов. Завтра найдём толкового адвоката, да и накажу, кто присмотрит за ним на Кипре. Греки народ открытый, сердобольный, богобоязненный. У них Православная церковь в некоторых вопросах влиятельнее, чем правительство.

Они выпили ещё вина и принялись за горячую пищу. Лидия немного успокоилась и в уме перебирала багаж, не забыть бы чего. Она досадовала на то, что Пашка затеял, зачем всё это и к чему приведёт. Жили спокойно, денег хватало, хотя, что уж кривить душой, деньги никогда не лишние, можно купить новую машину, небольшую дачу на берегу озера и шубка уже потрепалась возле застёжки и на рукавах. Да только не так просто заполучить наследство, как это рисует воображение. Большие дармовые деньги всегда связаны с риском. Женщина даже не представляла, насколько крупные капиталы оставил после себя бывший возлюбленный. А волнение матери объяснялось очень просто: Лидия боялась за сына.

Пашка и сам уже немного сожалел об этой затее. Жил себе спокойно, работа-дом, летом отпуск в жаркой Турции, Египте или в Крыму. А сейчас собрался ехать в неизвестность, другая страна, непонятный язык. Но он успокаивал себя тем, что почти ничем не рискует. Английский язык он знает прекрасно, объясниться сможет, отель забронировал совсем недорого, ещё мать нашла каких-то знакомых греков, в случае чего помогут. Ну, а если что-то не сложится, вернётся восвояси, и жизнь потечёт дальше своим чередом. Только что средства потратит на поездку, на адвоката, на отель, но это неизбежные потери. И всё же мужчина категорически не хотел думать о неудаче. Пашка не считал себя человеком корыстным и жадным, но в этот раз чётко определил задачу – во что бы то ни стало должен получить полагающееся по закону. Они жили с матерью скудно, иногда еле сводили концы с концами, особенно когда умерла бабушка. Мать брала на дом переводы и сидела, сгорбившись ночами под тусклым абажуром, часто так и засыпала за столом. Он не пошёл учиться в институт, знал, мать начнёт экономить каждый рубль, чтобы дать ему образование. Парень, ничего не сказав, устроился в автосервис и только после этого семейный бюджет поправился, они начали лучше питаться и покупать приличную одежду. Но самая большая обида занозой сидела в душе – он рос безотцовщиной. И поэтому Паша считал справедливым получить материальную компенсацию. Вот тогда он откроет свой автосервис и купит автомобиль своей мечты, ну и конечно дачу, какую захочет мать. Пашка даже не подозревал, что в случае успеха получит столько денег, что не сможет их потратить даже в своих фантазиях. Однако парень ни с кем кроме матери не делился своими планами, не рассказывал про отца, миллионы и про поездку в Грецию. Хотя очень хотелось прихвастнуть перед своей девушкой. С Мариной он встречался недавно, около двух месяцев. Их отношения развивались бурно и стремительно. Познакомились в ночном клубе, много плясали, пили, смеялись и проснулись в Пашкиной квартире уже после полудня следующего дня. И как-то

постепенно приросли друг к другу, жить вместе не стали, с родственниками не знакомились, но ночи проводили вместе регулярно. Пашка точно не знал любовь это или нет. У него случались увлечения и связи, он легко встречался и так же просто заканчивал отношения. Только с Мариной чувствовал себя комфортно и легко. Она не требовала от него обещаний, героических поступков и дорогих подарков. Он тихо радовался, когда знал, что вечером снова встретит её. Девушка служила менеджером в одной столичной, строительной компании, получала приличную зарплату, была финансово независимой и невероятно красивой. Пашка удивлялся, почему её ещё не затянули в шоу или модельный бизнес, но Марина не отличалась ветренностью и не искала лёгких путей. Она посещала курсы йоги, изучала живопись эпохи Ренессанса и итальянский язык. Самую большую легкомысленность она позволила себе, проснувшись в объятиях жгучего красавца, простого работяги Пашки. Но девушка не сожалела об этом. Уже через неделю встреч, они договорились провести вместе отпуск в Италии. До этого ни он, ни она не путешествовали по этой удивительной стране. А Марина давно мечтала посетить Рим, Милан, Флоренцию, прежде всего, чтобы потренироваться в разговорном итальянском и воочию увидеть в музеях картины мастеров эпохи Возрождения.

Дневная жара спала, уже зажигались фонари, длинные тени деревьев неровными полосками пересекали аллеи парка, по которым гуляла красивая пара. Пашка с Мариной ели мороженое, весело болтали и неспешно шагали к дому девушки.

– Ты ведёшь меня домой? Я думала, что останусь у тебя сегодня.

Марина немного огорчилась. Она шагнула перед Пашкой и заглянула в лицо. Парень смутился и обнял девушку за плечи.

– Я улетаю завтра утром. На несколько дней, – Пашка запнулся, ему так хотелось всё объяснить, и он еле сдержался. – Пока точно не знаю на сколько, но как только вернусь, сразу позвоню тебе.

– И куда ты направляешься? – в голосе девушки прозвучало разочарование.

– В Грецию. Но я еду не в отпуск, у меня там важные дела. Пока я не могу тебе всего рассказать. Когда вернусь, ты всё узнаешь первой.

– Я могла бы поехать с тобой, жаль, что ты не предупредил заранее, у меня как раз отпуск скоро начинается. Тем более мы же договорились поехать в Италию!

Марина огорчилась, на ресницах блеснули слёзные капельки. Ей стало обидно, что он будет греться на берегу чудесного моря, а она париться в Москве. Мог хотя бы предупредить заранее. Пашка старался успокоить девушку, рисовал радужные перспективы их будущего и почти убедил не волноваться за то, что не только Италия, а все страны мира у них впереди. В тот момент в душе он искренне верил, что именно эта девушка его настоящая любовь, и как только он вернётся, то подарит кольцо и познакомит с матерью. А там, глядишь, и свадьбу сыграют.

Глава 5

Кипр

Самолёт приземлился в Ларнаке утром. Пашка ждал на ленте свой багаж и прикидывал, как доберётся до отеля. Перед отъездом он просмотрел все свои маршруты по интернету и решил не шиковать, потому что не знал, как долго он пробудет на Кипре и сколько ожидается растрат. Он предполагал, что если начнёт гулять по ресторанам и кататься на такси, то деньги растают на киприотской жаре молниеносно. Парень деловито катил чемодан к выходу и тут увидел среди встречающих невысокого крепкого мужчину, который держал листок с его именем и фамилией. Сказать, что Пашка обрадовался, это не сказать ничего. Иметь хоть маленькую поддержку в чужой стране это просто здорово! Тем более при той цели, которую он преследует!

– Хэлло! Я есть Павел Пушкин.

Пашка широко улыбнулся и шагнул навстречу, внимательно разглядывая лицо мужика – понял ли его английское произношение. Тот распахнул руки и на сносном русском ответил:

– Привет Павел! Добро пожаловать на Кипр!

Они пожали друг другу руки и отправились к машине. Снаружи стояла вязкая жара, обволакивая запахами кофе, ванильными пирожными из кафешек, ароматами цветов и, конечно, морским бризом. Пашка обожал такой зной и чувствовал себя в нём гораздо комфортнее, чем в московской, зимней холодрыге. Когда они с матерью отдыхали в Турции или Египте, то она изнывала от жары, немного сидела в море или в бассейне и скорее скрывалась в прохладу кондиционера, а ему нравилось пекло, море и песок. Он мог целые дни проводить в голубой воде, чтобы вечером, в изнеможении упасть на кровать и уснуть, не чувствуя тела.

Его нового знакомого звали Димитрис. По дороге из аэропорта в отель, они познакомились ближе. Димитрис рассказал, что ему сорок лет, грек, родился в Афинах, но много лет назад переехал жить на Кипр, имеет плантации мандаринов, жену москвичку и русских партнёров, с которыми работает уже много лет. Так вот Алексей – его хороший друг и бизнес-партнёр, просил оказать всяческое содействие русскому приятелю. Пашка усмехнулся про себя:

«Ну и товарищ, в глаза ни разу не видел этого Алексея»!

Грек следил за дорогой, он не заметил Пашкиной усмешки и продолжил, как ни в чём не бывало:

– Алексей просил найти для тебя толкового адвоката. Здесь есть такой, и у вас встреча сегодня вечером. Только, понимаешь, что берёт недёшево, ну об этом ты сам договоришься. Алексей не рассказывал, что у тебя за дело. Но раз ты приехал сюда из Москвы и нуждаешься в юридической поддержке, значит что-то серьёзное.

– Да я и сам не знаю, получится у меня что-нибудь, но попытаться стоит.

– Ты прав, надо стучаться в дверь, чтоб она открылась, – Димитрис остановил машину у небольшого отеля и, вытаскивая чемодан, продолжил. – Ты сейчас отдыхай с дороги, прогуляйся к морю, перекуси, но не очень на еду налегай. Я приеду за тобой в семь, жена накрывает стол. Собирается несколько друзей и адвокат, в том числе. Вот после ужина с ним поговоришь.

Грек прыгнул в машину и, визгнув колёсами, упылил на свои плантации, да так быстро, что Пашка даже не успел поблагодарить. Он зарегистрировался в отеле, расположился в небольшом номере, потом вышел на балкон, потянулся и с удовольствием подумал, что пока всё складывается совсем даже неплохо. Спасибо тебе, неизвестный Алексей!

Вечером, как и обещал, Димитрис забрал его возле отеля и привёз на свою виллу. Да собственно виллой этот дом не выглядел в Пашкином понимании. Ни колонн, ни бассейна, ни садилов с искусственными озерами, ни рыбок золотых, ни ночных подсветок, вмонтированных в каменные дорожки. Такие он видел в рекламных проспектах рубливских поселений.

Стоял добротный, каменный, двухэтажный дом, устроенный комфортно, удобно и целесообразно. Люди, которые жили в этом доме, не тратились на пустые роскошества. Вместо бассейна кменные ступени вели к морю, вместо садилов с озерцами и рыбками красивые цветники, стриженные газоны, фруктовые и оливковые деревья, вместо колонн огромная веранда, в которой собравшиеся и расселись за широким столом. Компания оказалась неожиданно большая, человек пятнадцать, состоящая из греков, турков, русских. Димитрис отвёл Пашку в сторону и представил адвоката. Перед ним стоял человек непонятного возраста – то ли сорок, а может шестьдесят лет, одет просто, но дорогие золотые часы говорили о достатке, взгляд неуловимый, потому что глаза прятались за затемнёнными линзами очков. Рост выше среднего, гладко выбрит и Пашка уловил запах дорогого одеколора, (уж он-то знал в этом толк). Говорил адвокат на чистом русском языке с небольшим акцентом. Представился по имени Иса, из чего Пашка сделал вывод, что мужчина еврейской национальности. Ужин прошёл весело, с большим количеством вина, закусок и мяса, приготовленного на углях, и позже, когда уже никто не обращал внимания, Пашка и Иса спустились к морю для приватного разговора. Как-то само собой получилось, что они обращались друг к другу на ты, не обращая внимания на разницу в возрасте.

Пашка во всех подробностях рассказал свою историю и ждал, что на это ответит адвокат. Он немного переживал, что Иса сочтёт это дело безнадежным и москвичу придётся не солоно хлебавши, вернуться на родину. Но еврей думал недолго и назначил встречу у себя в офисе на следующий день, чтобы заключить договор, получить все имеющиеся у Пашки документы, письма, фотографии ну и, конечно, часть гонорара за работу.

Иса понимал, что взялся за дело совсем незаурядное, интересное и даже ажиотажное. Про себя решил, что даже если у парня не хватит денег оплатить полностью работу, то он сделает хорошую скидку, потому что как только адвокат начнёт действовать, каждая занюханая газетёнка будет мусолить его имя и имя по чью душу затевается этот сыр бор. Тем более что душа эта знаменитая, очень богатая и, к сожалению, уже мёртвая. Имя клиента, конечно же, сохранится в тайне – этого требуют его профессиональные обязательства. Потом уже не важно, выиграет он это дело или нет, главное шуму произведёт много для того, чтобы его рейтинг подскочил. Только Иса знал про себя, что будет добиваться успеха любыми путями, не может по-другому, принцип у него был такой, жизненный. И поэтому адвокат не собирался тратить время в праздных застольях, быстро откланялся перед гостеприимными хозяевами и гостями. Дома наказал, чтобы его не беспокоили, от традиционной вечерней рюмочки «Метаксы» отказался и заперся в своём кабинете. Только один раз жена осторожно постучала в дверь и внесла горячий чай. Однако Иса ничего не замечал, рылся в бумагах, просматривал старую хронику и свежие события в интернете. И когда утром женщина заглянула снова, то увидела, что муж спит в кресле, компьютер мерцает бедным светом, а чай так и остыл нетронутым.

Пашка находился в щенячем восторге от бирюзового моря, солнца, пляжей, да и от всего острова. Хотя отель не особенно презентабельный, но это волновало мало, главное, чтобы душ, кровать и интернет. Утром поднялся ни свет – ни заря и побежал на море, он долго и с удовольствием плавал, пока тело не заныло от напряжения. Позднее выпил крепкий кофе из автомата в холле отеля, принял душ, надел свежую рубашку, положил в карман визитку с адресом конторы адвоката и отправился на встречу.

Иса ждал Пушкина и был готов к визиту клиента. Прежде они подписали необходимые документы, и Пашку обрадовал тот факт, что цена услуг его совершенно устраивала и не особенно была по карману. Только адвокат поспешил охладить эйфорию молодого человека, если всё пойдёт по плану, то тратиться придётся прилично и за экстренность прайс, естественно, увеличится.

– Так вот что я выяснил: Аргирис Дракопулос скончался месяц назад в преклонном возрасте от обширного инфаркта. Смерть произошла не дома. Труп обнаружили прохожие на

одной из улиц города. Сразу вызвали скорую помощь, которая привезла его в морг. Патолого-анатом на пальце обнаружил дорогое кольцо с гравировкой на внутренней стороне, с фамилией и вензелем владельца. Таким образом выяснили, кто это и сообщили жене.

Пашка слушал задумчиво, потом перебил Ису:

– Какая-то странная история. Миллионер, владелец газет, пароходов, умирает как бомж на улице, ни охраны, ни сопровождения.

– А зачем его охранять, кому он нужен? Действующий политик или наследников толпа, которые жаждут его миллионы? Никто не желал его смерти. Поэтому и ходил старик безбоязненно. Когда это всё случилось, жена приехала в морг и опознала мужа. Тем более, что за полгода до смерти он, как пишут газетчики, жаловался на потерю сна и памяти. Как будто доктора у него находили признаки болезни Альцгеймера и иногда, никого не предупредив, Дракопоулос уходил из дома, но всегда возвращался благополучно. Но не в этот раз. Похоронили быстро в закрытом гробу, такова была воля покойного. И в том, что он гулял по улицам один, без охраны, нет ничего удивительного. Город совершенно безопасен и миллионеров, банкиров и богатых людей здесь пруд пруди, не все сидят за закрытыми заборами своих особняков.

– И кто жена? Старая вдова-миллионерша?

– Жена, кстати, русская Зоя Дракопоулос уже более пятнадцати лет имеет греческое гражданство. Аргирис Дракопоулос её второй муж, детей нет. И вдова совсем не старая, у них разница в возрасте была почти тридцать пять лет. Так что считай!

– Ни чего себе! Она не намного старше меня, а какая богатая биография. И что у них произошла любовь большая или её пленили миллионы?

– Насчёт любви сказать ничего не могу, только знаю, что замуж она вышла рано, только-только исполнилось восемнадцать за какого-то торговца драгоценными мехами и кожаными изделиями из Салоников. Первый муж был старше её лет на двадцать. Прожила с ним около десяти лет и развелась, не заимев детей. Кстати, инициатором расторжения брака стала жена и после развода не получила от меховщика ни одного евро. А встречаться с Дракопоулосом женщина начала, ещё находясь в браке.

Пашка восторженно присвистнул:

– Откуда у тебя такая старая информация?

– О, мой дорогой, юный друг, пока вчера ты находился в обнимку с Бахусом, я работал в поте лица! Уже поздно вечером я озадачил своего приятеля из Салоников и вот на эту минуту есть такая информация. Он там ещё работает, но не думаю, что будет что-то интересное с той стороны. Тем более у нас другая задача.

– Так значит, она всё-таки позарилась на деньги и замуж вышла по большой выгоде? – попытался Пашка.

– Скорее всего, именно так. Несмотря на то, что с Папаниколау они прожили вместе много лет, всё имущество было приобретено до брака, и она предполагала, что при разводе не получит ни гроша, а возвращаться в Россию не имея ни образования, ни денег, тоже не вариант. Вот тут ей подворачивается этот дряблый миллионер. Женщина, конечно, могла судиться с предыдущим мужем, но зачем? Её будущий муж переплюнул всех – имел огромное состояние и был старше её уже не на двадцать, как в предыдущем случае, а на тридцать пять лет!

Пашка поймал себя на мысли, что не думает о Дракопоулосе, как о своём отце, для него это был совершенно чужой, посторонний человек. Адвокат показывал фотографии из газет, снимки из светской хроники, где рисовался высокий, седой, мужчина. На снимках Паша видел незнакомого мужика в дорогой, стильной одежде и в туфлях ручной работы. На руке красовались золотые часы, перстень на среднем пальце с огромным рубином, очки в тонкой оправе на крупном носу. Только на смуглой, морщинистой морде отпечатались пресыщенность и самодовольство. Пашка не представлял его рядом с элегантной, подтянутой матерью – уж очень он казался каким-то поношенным. Рядом мелькала красивая, ухоженная женщина и по возрасту,

она никак не могла быть его женой, скорее дочерью, а вероятнее всего внучкой. Его задумчивость нарушил Иса:

– Самое занятное, что твой отец ни разу не женился официально. Он повёл под венец только вот эту молодую даму.

– Интересно, что заставило изменить своим привычкам? Что, любовь неземная? При его деньгах он мог купить кого угодно, что обязательно жениться? – Пашка даже не пытался скрыть своего презрения, хотя понимал, что в нём говорит обида.

– Пять лет назад в прессе мелькала информация, что он ждёт наследника, но что-то там не сложилось.

– Вы думаете, что дама пошла на обман?

– Не исключено, но мы уже об этом узнаем навряд ли. Он нам уже не расскажет, а она не захочет раскрывать свои уловки и хитрости.

– Да мне-то эта баба зачем? И правду знать о ней не интересно! С ней вообще всё понятно!

Пашка почему-то стал раздражаться и, заглянув вглубь себя, понял почему: они с матерью зачастую жили очень скудно, а ведь отец знал о его существовании с момента рождения, но сейчас приходится доказывать свое право на часть наследства. А эта прошмандовка появилась несколько лет назад и сейчас владеет всем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.